

Валерий
Казачков

ДИКИЙ ШОРЕЦ

Город, с его закопченными подслеповатыми днями и ночами, безжалостно гремящими железом, отступал медленно. Ещё долго, справа и слева среди красот предгорья, словно уродливые призраки, возникали нелепые строения, окружённые клочками поцарапанной человеком земли.

Машина с лёгким шуршанием катилась по чёрному, в радужных разводах от недавно прошедшего дождя асфальту. Горьковатый запах намокшей скошенной травы безуспешно пытался перебить приторность разогретого битума. Ещё несколько поворотов, и вот они, горы. Неровными зелёными, накатывающими друг на друга волнами они бежали к далёкому горизонту, чтобы там, на краю видимого мира, вспениться белёсыми, как прибой, снегами Саян.

Первоклассная дорога толстой сероватой змеей медленно извивалась в неглу боких логах, сдавливала жадными кольцами горушки, летела прямой стрелой по поймам шумливых речек. «Помнишь, как с твоей подачи начинали строить эту дорогу? Сколько было шума, упрёков в маниловщине, авантюризме, а получилось, пожалуй, не хуже, чем в Швейцарии», – думал Иван, с теплотой глядя на знакомые с детства места. Лицо его хмурилось, когда взгляд наткнулся на бесхозно брошенные у дороги брёвна, высыпанный под откос щебень или распаханную по косогору луговину, что обидно, распаханную без всякой цели. Глаз опытного хозяина замечал всё. Новые руководители недолго любили, когда он в первые годы после переизбрания приезжал и устраивал им настоящие райкомовские выволочки. С годами поостыл, махнул рукой, дескать, за что боролся, на то и напоролся, не было бы дороги, и беспорядка было бы меньше, а здесь разве за всем углядишь?

Иван не считал себя замшелым партаппаратчиком, к пятидесяти (десять из которых пришлось на переломку страны), он слыл вполне крепким хозяином, неплохим управленцем, жил с достатком, был любим семьёй и уважаем друзьями.

Главой этого самого отдалённого, ссыльно-переселённого района его угораздило быть в первые мутные годы ельцинских завихрений. Как тогда миновали погромов по всей стране, а ограничились одним Кавказом, одному Богу известно! Авось как-то вывез. Жить стало легче, ну и ладно.

И тогда и сейчас его душа болела Мустагом. Красивой, одинокой и надменно-гордой горой, возвышавшейся над окрестностями. Кого бы ни привозил он в родные края, как только машина проезжала Мунды-Баш и взбиралась на один из самых высоких подъёмов, Иван начинал нервничать, отвечал невпопад и, наконец, показывая куда-то влево, торжественно восклицал:

– Вон Мустаг!

По-шорски Мустаг – это ледник, а при хозяйском подходе – рай для горнолыжников. Первые трассы начали строить ещё задолго до новой дороги. Гора манила, звала, тянула к себе, сближала чужих людей, а друзей превращала в непримиримых врагов. Странная это была гора. Местные почитали её святой, обиталищем духов предков. Гора ждала своих покорителей, а дело это было нелёгким, но Ивану со школы не нравились простые задачки, дела, люди, желания. Сколько человек из-за этой любви к сложностям претерпел, одна его сократовская лысина знает.

Сегодня Иван не спешил на свидание со своей любимой горой. Он на неё обижен. После долгих лет верности гора с постыдной поспешностью капризной девицы изменила ему. Конечно, гора ни при чём. Виной всему деньги, зависть и ещё раз деньги. Обида, как в детстве, рождала чувство беспомощности и одиночества. Хотелось заплакать от жалости к себе, к долгой и трудной жизни, пройденной бок о бок с людьми, ставшими в одночасье чужими. Три его лучших и проверенных друга решили сделать его стоворчливее. Иван был противником продажи горы чужакам, и друзья, чтобы не упустить хорошие деньги, написали в милицию, а там сфабриковали уголовное дело, обвинив его в мошенничестве. Жену, детей и знакомых таскали на допросы. Опозоренный, он метался в подписке о невыезде, как волк за красными флажками. Со всех высоких постов его, как это у нас водится, моментально попёрли. Поползли слухи и сплетни, одна чудовищнее другой. Не чувствуя за собой вины, он всё же боялся за семью. Ему нужно было точно знать, к чему готовиться, а рассказать об этом мог только один человек.

Не доезжая до посёлка, Иван свернул на грунтовую дорогу, резко забирающую в гору. Он знал, что, попетляв с десяток километров, сможет избежать ненужных встреч, виновато опущенных глаз, показного сочувствия, пустых разговоров и множества других неприятностей. До недавних событий, потрясших его, казалось бы, уже прочно устоявшуюся жизнь, он никогда не задумывался об обиженном человеке, исповедуя принцип «на обиженном воду возят». Став начальником, он себе уже и не представлял, что его можно обидеть. Обижал сам. И вот обида поселилась в его доме, вслед за ней пришла неуверенность, а потом и страх, страх беспомощности. Каждый из нас, столкнувшись с холодным равнодушием государственной машины, в считанные дни становится ярым анархистом. Цинизм, с которым государство растаптывает личность, открывается для самой этой личности только после соприкосновения с известными органами. Не дай нам Бог испытать это на себе. Как часто в основе поиска истины и защиты державных интересов лежит обычная корысть, ложь и донос. Богиня правосудия слепа, но какой-то безумец вложил в её руку меч. Злая насмешка над здравым смыслом: незрячая с ножом в руке, кромсая всё на своём пути, по локоть в крови продирается к какой-то мифической истине, живущей, возможно, только в её слепом воображении.

Вокруг жила, кипела и буйствовала природа. Миллионы безвестных тварей ползали, летали, бегали, плодились, погибали и беззаботно радовались коротким мгновениям отпущенной им жизни. Травостой, густой и буйный, прогибал своей зелёной тяжестью лога, гудел медоносом, и этот ровный гул, вплетённый в тихий шелест листьев, казался лёгким дыханием полуденных гор.

Иван уже давно остановил машину, распахнул дверь и смотрел в зелёное зеркало лета. Он видел в нём детство, ещё живую маму. Пропавший атеист в последние годы постепенно возвращался в естественное состояние веры. Иногда, стоя перед иконой в уютном, мерцающем свечами полумраке, он ловил себя на мысли, что у Богородицы мамины глаза, и, казалось, даже слышал её голос: «Крепись, сыночек, ты ж у меня вон какой дюжий, сладкая жизнь, она только в чужом окошке».

Взглянув на часы, Иван заторопился, опять заколыхалась, заныряла дорога. Скоро он выскочил на асфальт и минут через двадцать был уже в Кабырзе. Оставив машину у дома рыбака, перегрузив всё необходимое на длинные шорские лодки, поговорив со знакомыми, он с Валерой Чапачковым и старым Гурзом поплыл вверх по Мра-Су. Где-то там, далеко, днях в трёх пути, в старом, ещё, наверное, колчаковских времён добротном зимовье жил древний, как легенда, отшельник. Местные называли его Диким Шорцем. Как и когда он появился в этих горах, никто не помнил, даже старики.

Лодки проворно скользили по прозрачной и на удивление глубокой для этой поры воде. Описывать красоты горной, бурной на перекатах реки мне кажется пустым занятием. Кто хоть однажды это видел и вдыхал летящий в лицо простор с крохотными искорками воды, высекаемыми носом моторки, тот и сам представит это вечное чудо. А кто не видел – тому и не надо, всё равно перед ним возникнет мёртвый глянец рекламного плаката.

Заночевали в Шор-тайге – маленькой бедной деревне, бывшей некогда центром родового удела одного из самых сильных князей Шора, давшего, по преданию, название целой народности. Деревню зимой одолевали волки, летом гнус и комары, однако жители не обращали внимание ни на тех, ни на других, им было некогда. Работа, тяжёлая и нудная, как сотни лет назад, занимала всё время аборигенов. Быстро стиралась раскосая красота у молодёжи, и вместе с нищетой приходила долгая пора безвременья, быстро перерастающая в старость. Болезни и водка довершали короткий век шорца.

Через два дня они добрались до места. Справа с горы в реку скатывался бурный ручей. Распугав жирных, с чёрными спинами хариусов, нежившихся в студёных струях, путники вытащили лодки. Проводники остались устраивать лагерь, а Иван, взвалив на плечи большой рюкзак с гостинцами, пошёл дальше один. Дорога была трудной. Еле заметная тропа сначала цеплялась за небольшие каменистые уступы вдоль ручья, а после и вовсе полезла почти отвесно в гору. Иван спешил. Ещё пару часов, и он получит ответы на все свои вопросы.

Впервые его провели по этой замысловатой звериной тропе лет пятнадцать назад. У прокурора района пропал сын. Поехал в город и сгинул. Что только ни делали – результатов ноль. За три месяца мучений отец с матерью чуть было не тронулись рассудком, тогда кто-то и посоветовал Игнатию Петровичу сходить к Дикому Шорцу. Времена были ещё партийные, и за такие походы могли строго спросить как с коммуниста и прокурорского работника, но отцовское сердце испугать трудно. Иван в ту пору был заместителем предисполкома и, пожалуй, единственным в городе человеком, которого знали и которому верили шорцы. Когда они, вымокшие под осенним дождём, к ночи добрались до затерянных в глухой тайге строений, их огорчил шагнувший прямо из темноты невысокий человек, объявивший, что Шорца нет, и когда будет, он не знает. Проводник советовал передохнуть до утра и возвращаться.

Заночевали в маленькой баньке. Утром Иван узнал в напугавшем их ночном незнакомце своего одноклассника Мишку Самсонова. После несчастного случая на охоте Мишка остался калекой. Врачи удивлялись, как ещё выжил. Сому, как его дразнили в школе, разворотило правую половину лица, когда он пытался достать из ствола невыстреливший патрон. Жена не вынесла его уродства и бросила, люди шарахались, пластические операции тогда были редкостью, да и стоили больших денег. Чтобы не спиться, Мишка ушёл в горы, зимой промышлял пушниной, летом заготавливал дикоросы. С годами одичал, к незнакомым людям вообще перестал подходить, изредка появлялся у матери. Иван долго рассказы-

вал ему новости, помалу выпытывая про Шорца. После разговоров туман вокруг таинственной фигуры не то шамана, не то святого только сгустился.

Сам пришёл на следующий день к обеду со здоровенным берестяным коробом за плечами. «Травки принёс», – пояснил Мишка и поспешил навстречу огромному седобородому старику с пронзительными серыми глазами.

В избушку, над входом в которую висели три черепа: оленя с большими ветками рогов, а по бокам – волка и огромного медведя, Игнатий Павлович зашёл один. Вышел прокурор через час, бледный, с немигающими от страха глазами. Провожая их до большущего, пострадавшего от молнии кедра, Шорец, внимательно взглянув на Ивана, громким трескучим голосом произнёс:

– У тебя, партейный, всё будет хорошо, приходит ко мне по чужим нуждам будешь часто, а по своей – годков через пятнадцать.

Тело сына прокурора нашли под грудой мусора в подвале заброшенной насосной станции. Как и предсказал Шорец, убили его друзья по институту «от скуки», как они заявили на суде.

Вот уже знакомый подъём, ещё поворот, небольшой спуск, и на солнечном косогоре, защищённом от ветров подковой отвесных скал, среди вековых кедров должны показаться тёмные бревенчатые строения, скрытые сейчас густой летней зеленью. Предзакатно пели невидимые в листве птицы. Напоённый лесным разнотравьем тёплый воздух прижимался к земле, дышалось легко и вкусно. У покалеченного небесным огнём кедра сидел с отрешённым лицом худющий Мишка. Густая чёрная с проседью борода закрывала его лицо, только там, где была рана, волосы росли как-то неровно, клочьями.

– Привет, одноклассник, – обрадовался Иван, скидывая на землю рюкзак и присаживаясь рядом. – Чего молчишь? Я вам гостинцев принёс.

– Опоздал ты, Иван, на три недели опоздал, не дождался тебя Селиван Прокöpfeвич...

– Да ничего, я его дождусь, мне нынче спешить некуда, погощу пока у вас, по хозяйству помогу. Я двумя лодками пришёл, там и доски, и инструменты.

– Глухими вы там, в городе все стали, я тебе говорю, – помер Шорец. Тебя всё ждал.

У Ивана перехватило дыхание, лиловые пятна заплясали перед глазами, досада и дышащая сквозняком пустота навалились на него. Горы, люди, личные неурядицы вдруг перестали существовать. Пульсирующий ритм времени вытянулся в одну непрерывную, бесконечную линию, как будто что-то итожа. Уже стемнело, на высоком небе зажглись поминальные звёзды, а две одинаково сторбленные горем фигуры всё ещё сидели у мёртвого дерева, пока не растворились в тёмно-фиолетовом мраке безлунной летней ночи.

Валерий Казаков родился в 1952 году в Белоруссии. Почти вся его жизнь связана со службой в Вооружённых силах. Возглавлял совет Федеральной национальной культурной автономии «Белорусы России». Окончил Литературный институт имени А. М. Горького (семинар Е. Винокурова). Автор книг, издающихся в Беларуси и России: «Тень гоблина», «Чёрный кот», «Город, который всегда со мной...» и др.

